
Лада Тёплая
Один свет на двоих
18+

Лада Тёплая

Один свет на двоих

«Автор»
2026

Тёплая Л.

Один свет на двоих / Л. Тёплая — «Автор», 2026

«Один свет на двоих» — нежная зимняя история о том, как мечта не теряется, а просто приходит тогда, когда ты готова её узнать. О мандаринах, рассыпанных на ступеньке, которые оказались судьбой. О детском доме, где дают имена и заплетают косы. О рыжем коте, который всё знал заранее. И о примете: в новогоднюю ночь, когда все огни гаснут, надо найти один свет — тот, который остался гореть. Такой свет зажигают только для того, кто придёт.

© Тёплая Л., 2026
© Автор, 2026

Лада Тёплая
Один свет на двоих

ОДИН СВЕТ НА ДВОИХ
Зимняя история
серия • книга первая
Лада Тёплая

Содержание
Предисловие
Глава первая. Окно
Глава вторая. Мандарины
Глава третья. До завтра
Глава четвёртая. Свечи
Глава пятая. Встречи
Глава шестая. Новогодняя ночь
Глава седьмая. Один свет на двоих
Глава восьмая. Два пледа
Послесловие

Предисловие

Эту книгу хорошо читать под пледом.

Лучше всего — зимним вечером, когда за окном темнеет рано, а дома пахнет чем-то тёплым: шоколадом, корицей, мандаринами. Можно заварить чай. Можно сварить какао, если знаешь секрет - с двумя дольками шоколада и щепоткой корицы. Ты его ещё узнаешь. Можно позвать кота, если он у тебя есть. Если нет — представь себе рыжего, тёплого, который сейчас свернулся бы рядом клубочком и сказал бы своим мурлыканьем: «Ну, наконец-то. Читай».

В этой книге — одна история, разделённая на восемь вечеров. Каждую главу можно прочитать за раз, они тихие, как снег за окном. Это история о девушке, которая очень любила мечтать. О человеке, который полгода зажигал свет в одном окне. О рыжем коте, который всё знал заранее, — как и все коты. И о самом простом на свете чуде: о том, что мечта не теряется. Она просто приходит тогда, когда ты готова её узнать.

Так что устраивайся поудобнее. И не забудь плед.

И не закрывай шторы.

С любовью, Лада Тёплая

Глава первая. Окно

Девушку звали Милена. Зимние вечера она встречала одинаково — и в этом однообразии было столько тихого счастья, что она ни за что не согласилась бы его менять.

Вечер начинался с возвращения домой. Милена стягивала сапоги, переодевалась во что-то мягкое, умывалась тёплой водой — как будто умывала с лица весь день, всю суету, все чужие разговоры. И только после этого наступало главное время.

Плед она расстилала на подоконнике сама — и он был особенный: мягкий, бежевый, связанный её руками, с одной маленькой ошибкой в узоре. Распускать ошибку она не стала. «Так его сразу видно, что мой», — говорила она коту, и кот соглашался, потому что плед был тёплый.

Подоконник у неё был широкий, как маленькое уютное кресло, и Милена втайне считала его лучшим местом в квартире. Может быть, во всём городе.

На плите тихонько грелось молоко. Милена не варила какао из пакетика — это было бы совсем не то. Молоко, две дольки шоколада, ложечка мёда и щепотка корицы. Корица была её маленьким секретом: от неё весь вечер пахнул праздником, даже если праздника в календаре не было. Готовый шоколад она наливала в большую белую кружку с чуть треснутой ручкой — её жалко было выбросить и нельзя было подарить, она давно стала родной, — и несла её к окну двумя руками, бережно, как нечто очень дорогое.

Кота звали Персик. Рыжий, ласковый, с носом цвета абрикоса, он ждал её на пледе — сидел тёплым клубочком и делал вид, что ему совершенно всё равно. Но стоило Милене устроиться, как он приоткрывал глазки, нежно переступал мягкими лапками, взбивал плед и укладывался ей на колени — тёплый, тяжёлый, как маленький уютный комочек счастья. Мурлыкал он не сразу: сначала тихонько «заводился», старательно, на всю комнату, и Милена каждый раз шептала ему: «Ну вот, завёлся». А он закрывал глаза, как будто соглашался.

Потом — книжка. Вечером, о котором пойдёт речь, Милена читала про далёкие города, о которых мечтала тихо и нежно, как мечтают о чём-то очень хорошем, что обязательно когда-нибудь случится. Читала — и сбивалась. Потому что окно у неё было не простое.

Окно для неё было как тихий добрый киносеанс, который идёт только для неё одной. Внизу по тротуару шли люди, и Милена бережно придумывала им жизни. Вот женщина с тяжёлым пакетом — но спинка у неё прямая, значит, она сильная; едет она к внукам или внуки сейчас ждут её у окна? Вот молодой человек в лёгкой куртке — он, наверное, так спешил, что не заметил, как пришла зима; кому он несёт цветы, и улыбнётся ли тот, кто их ждёт? Вот дедушка идёт медленно-медленно, бережно переставляя ноги, и Милене так хотелось проводить его до самого дома. Она смотрела на прохожих и думала: у каждого из них где-то горит своё окно, ждёт своя кружка, свой плед — или пустота, которая однажды тоже наполнится теплом. И от этой мысли на сердце становилось тепло и чуть-чуть щемяще — так бывает, когда держишь в ладонях что-то большое и очень живое.

А потом она поднимала глаза и смотрела прямо — на дом напротив. Он стоял через двор, такой же, как её, и в нём было одно окно, за которым она наблюдала.

Каждый вечер, без опозданий, без выходных, в половине девятого, оно загоралось мягким жёлтым светом. Милена проверяла это полгода — сначала случайно, а потом уже с тихим нетерпением, как проверяют почту, когда ждут письмо. Свет зажигался — и ей сразу становилось спокойнее, будто кто-то за тем стеклом тихонько пожелал ей доброго вечера.

Кто же там жил? Она придумывала им жизнь так же нежно, как прохожим внизу, только подробнее. Старушка, которая ставит чайник ровно в половине девятого, потому что так делала всю жизнь? Или семья, у которой в это время ужин, а потом за стеной — смех, до которого так хочется дотянуться? Иногда Милене казалось, что и за тем окном кто-то смотрит в её. Мысль нежная и немного сказочная, она это понимала. Но в вечера, когда снег идёт толстыми, неторопливыми хлопьями, верится легко и охотно.

В тот вечер часы показали половину девятого. Милена подняла глаза. Персик приоткрыл один глаз — у него тоже появился свой ритуал, хотя он бы ни за что в этом не признался.

Свет не зажёгся.

Минута, вторая. Милена сидела с кружкой в руках и забыла сделать глоток. Восемь тридцать одна, тридцать две. Окно оставалось тёмным — непривычно, тревожно тёмным, как будто в доме, который всегда дышал ровно и спокойно, вдруг сбился ритм. У неё сжалось сердце — глупо, по-детски: а вдруг там что-то случилось? А может, просто перегорела лампочка? Откуда ей знать — она ведь ни разу не видела никого, кроме...

И тут в тёмном стекле кто-то прошёл.

Высокий силуэт. Медленный. Он пересёк комнату, остановился у окна — прямо напротив неё — и на мгновение замер. Милена видела только мягкие очертания: плечи, шею, чуть

склонённую голову. А потом он поднял руку — и окно вспыхнуло тёплым жёлтым светом, как будто зажглось для неё.

На коленях у неё перестало мурлыкать. Персик тоже смотрел.

Глава вторая. Мандарины

Утром Милену разбудил не будильник. Её будил Персик — тихонько положил мягкую лапку ей на плечо и смотрел. Пристально, нежно, без единого звука. Этот взгляд она знала наизусть: «Доброе утро. Прости, что беспокою. Просто кто-то рыжий очень хочет есть». Часы показывали девять, а за окном было светло и по-воскресному лениво.

— Доброе утро, — прошептала Милена, потягиваясь. — Сейчас, сейчас, милый. Никто тебя не забыл.

Сегодня был выходной, и в сердце жило самое тёплое: новогодняя ярмарка. Милена открыла на кухне окно, впустила в дом свежесть, накормила Персика, себе заварила чай и, пока он настаивался, посмотрела во двор. Дом напротив стоял тихий, заснеженный. Окно напротив было тёмным. «Наверно там еще все спят», — подумала она и почему-то улыбнулась. Полгода она придумывала жизнь за тем стеклом, а теперь в голове было только: высокий, тихий, чуть склонённая голова. «Персик, — сказала она коту, — а я ведь даже не знаю, как выглядит человек, который зажигает свет в половине девятого». Персик промурлыкал что-то своё — коты умеют отвечать так, как никто другой.

На ярмарку Милена шла пешком, через парк. Снег нежно скрипел под ботинками, воздух пах ёлками и жжёным сахаром, и на душе было светло и легко, как в детстве перед праздником. Она любила ярмарки всей душой: деревянные домики, гирлянды, тёплый свет, ладони, греющиеся о стакан с горячим напитком, тихая музыка где-то вдалеке. Она купила тёплые носочки с оленятами — каждому своё, — варежки с маленькими помпонами, коробку конфет, мягкого зайку с длинными ушами, книжку с картинками, пазлы с медвежатами. А ещё — маленькую свечу в стеклянном стаканчике: женщина со свечной лавки протянула ей её сама и сказала: «Эта — для хороших вечеров». Накупила целую гору подарков. Не забыла и Персика — маленькую мышку с нежным колокольчиком внутри, от которой её рыжий друг приходит в самый настоящий восторг.

Всё это было не просто так. Каждый декабрь Милена собирала подарки для детей из детского дома. Она приезжала туда с полными сумками, и воспитательницы уже улыбались навстречу: «Милена пришла!» Она никогда не говорила об этом громко — просто приезжала. Потому что этот дом был её первым домом, тем, где она выросла.

Милена не знала, кто её родители. Не знала ни лица, ни имени, ни причины. Когда она была маленькой, ей говорили: «Ты у нас особенная», и она верила. А потом научилась не спрашивать — а мечтать. Она мечтала о своей большой, счастливой семье: о доме, где пахнет пирогом, о детях, о муже, о коте. Кот у неё уже был — самый лучший на свете. Остальное она оставляла мечте, и мечта отвечала ей теплом.

Когда она вошла в знакомые двери, запах мягко обнял её сердце — тот самый: каша, запах корицы, свежий хлеб. Всё как тогда. Коридор тот же, только обои новые. Столовая та же, только столы как будто стали меньше. Она стояла и тихонько вспоминала, как когда-то, маленькая, сидела здесь и была по-своему счастлива: воспитательницы — добрые, дети — родные, все — своя большая, шумная, тёплая семья. И как мечтала о другом: о своей семье, о муже, о детях, о коте.

Дети встретили её, как встречают весну. Обняли за руки, за ноги, кричали, перебивали друг друга, показывали рисунки, тянули за рукав. «Милена, Милена, а ты привезла?» — «Конечно привезла». Она раздавала подарки, и каждое «спасибо», каждый восторженный смех отдавались в её сердце теплом. В такие минуты Милена чувствовала себя счастливой и нужной — так, как бывает, когда ты не просто живёшь в мире, а ты миру очень нужен.

А потом она зашла в ближайший к детскому дому супермаркет. Купила мандаринов — целых два килограмма, чтобы весь дом пах праздником, гирлянду с тёплыми огоньками и маленькую ёлочку в горшочке. Пакет был полный, тяжёлый, но на душе было легко.

И вот, выходя из магазина, она споткнулась о ступеньку.

Пакет тихонько лопнул, и мандарины рассыпались по белоснежному снегу — яркие, оранжевые, круглые, они мягко кувыркались и укатывались во все стороны, как маленькие солнышки. Милена замерла на секунду — а потом рассмеялась. Просто так, над собой: какая же я всё-таки неуклюжая, всё на снег, как в доброй сказке. Она смеялась легко и заливисто, и смех этот был настоящим — из самой глубины.

И тут она увидела, что рядом с ней на колени присел кто-то ещё.

Мужчина. Высокий — ей пришлось бы поднять голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Он молча собирал мандарины: брал их из снега, бережно стряхивал снежинки, клал обратно в пакет — аккуратно, нежно, как будто это было самое важное дело на свете. У него были тёмные волосы, тёплые серые глаза и очень мягкая улыбка — не насмешливая, а тихая, светлая, будто он тоже находил это мило.

— Спасибо вам, — тихо сказала Милена, когда мандарины закончились.

— Мне было приятно, — ответил он так же тихо. — Вон ещё один укатился, под лавкой. Сейчас вернём и его.

Милена засмеялась снова — и он улыбнулся ей в ответ, и на мгновение показалось, что снег вокруг стал ещё мягче. Он поднялся во весь свой высокий рост и предложил:

— Может, проводить вас? Пакет-то теперь совсем «расстроился». А нести его через весь квартал — это нечестно по отношению к вам.

Милена посмотрела на него — и внутри что-то дрогнуло, тихо и ясно, как звенит тонкий бокал. Так не бывает, сказала она себе. Но это было. Это было то самое, о чём поют песни и пишут книги: любовь с первого взгляда, нежная, невозможная и самая настоящая. Она была полна счастья, чуть смущена и очень-очень рада — и потому ответила просто:

— Хорошо. Я живу недалеко. Через двор.

— Через двор? — улыбнулся он. — Значит, соседи. Как удачно сложился день.

И они пошли — рядом, вместе, а снег падал медленно, как будто мир давно всё решил за них и только ждал, когда она споткнётся о ступеньку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.